

II. Документы, воспоминания

БАЗИС И НАДСТРОЙКА, ИЛИ О РОЛИ СТИМУЛОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ

Когда вспоминаешь ушедшего навсегда человека, тем более человека, с которым были связаны многие годы жизни, в памяти всплывают мелкие эпизоды, которым когда-то не придавалось никакого значения, а сейчас, через годы, они кажутся интересными. Конечно, не для всех, но во всяком случае для автора этих строк.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел однажды зимой 1967 года в Академгородке. В это время Леонид Витальевич и я готовили к печати книжечку "Математическое оптимальное программирование в экономике", и мне часто доводилось бывать в его коттедже на улице Воеводского. Однажды, когда работа уже близилась к концу, я сказал, уходя, что базисную часть работы мы уже закончили, и осталось лишь сделать надстройку. "Погодите-ка, - остановил меня Леонид Витальевич. - А знаете ли вы, что такое базис и надстройка по Сталину?" Ну как я мог не знать! Классический труд вождя "Марксизм и вопросы языкознания", в котором были даны эти определения, мне вдалбливали в голову и в университете, и в аспирантуре. Поэтому я с удовольствием блеснул знаниями. "А производительные силы - это базис или надстройка? А производственные отношения?" - последовали вопросы. Я отвечал, как мне казалось, не только правильно, но и убедительно. Каково же было мое изумление, когда в конце Леонид Витальевич с довольным видом подытожил: "Так я и думал, всё неверно". С этим я смириться не мог. Ход мыслей у

меня был примерно такой. Конечно же, Леонид Витальевич великий ученый, но... годы берут своё. Память уже не та. Не случайно же, что иногда он может задремать во время семинара, да и во время нашей совместной работы такое не раз случалось. (На тему "задремать" есть другой эпизод, который я когда-нибудь расскажу.) Ну, а я — молодой, энергичный. Память отличная, недавно защитил диссертацию и т.д. и т.п., не может быть, чтобы я ошибался. Не может быть!

"Леонид Витальевич, — скромно, но убежденно начал я возражать. — Я не сомневаюсь в своей правоте. Настолько не сомневаюсь, что готов предложить пари на бутылку коньяка".

"Не советую, — очень мягко и тактично парировал мои наскоки Леонид Витальевич, — впрочем, если у вас есть лишняя бутылка коньяка..." Но я уже не мог остановиться. "Лишней, конечно, нет. Но то, что при нашей следующей встрече у меня добавится бутылка коньяка, это не вызывает сомнений", — заявил я. Пари было заключено. Нужно ли говорить, что уже на следующий день я бросился на поиски заветной книги. В библиотеке её не оказалось, у ближайших знакомых — тоже. В конце концов удалось её найти, если не ошибаюсь, у С.С.Кутателадзе. По мере того, как я читал книгу, настроение моё ухудшалось. Вот тебе и годы! Вот тебе и память! Ну, а кончив читать, я отправился в магазин. Следующая встреча в кабинете Леонида Витальевича на втором этаже его коттеджа началась с того, что я открыл портфель, вынул бутылку и без слов вручил её. Леонид Витальевич улыбнулся и, кладя бутылку в нижний ящик шкафа, сказал: "Всё дело в стимулах. Когда вы учились, для вас стимулом были оценки. А вот у меня они были серьезнее. Если бы я всю эту ерунду учил, как вы, то меня бы уже не было в живых. Поэтому я учил как следует. Стимулы в учебе очень важны". И мы продолжили работу.

А.Б.Горстко